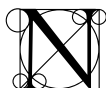


ДЖОАННА
ЛИНДСЕЙ

Принцесса



Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Л59

Серия «Королева любовного романа»

Johanna Lindsey

ONCE A PRINCESS

Перевод с английского *Ю. А. Илиади*

Компьютерный дизайн *А. А. Кудрявцева, А. Б. Ткаченко*
Студия «FOLD&SPINE»

Печатается с разрешения издательства HarperCollins Publishers
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Линдсей, Джоанна.

Л59 Принцесса : [роман] / Джоанна Линдсей ; [пер. с англ. Ю. А. Илиади]. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 352 с. — (Королева любовного романа).

ISBN 978-5-17-091540-8

Таня, круглая сирота, служанка в таверне маленького городка на Миссисипи, и вообще-то не верила ни одному мужскому слову — что уж говорить о совершенно невероятной истории, с которой обрушился на нее таинственный незнакомец Штефан! Он всерьез утверждал, что нищая служанка — ни больше ни меньше как наследная принцесса, ребенком похищенная и увезенная в Америку, к тому же — его законная невеста...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-091540-8

© Johanna Lindsey, 1991
© Перевод. Ю. А. Илиади, наследники, 2015
© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Глава 1

Кардиния, 1835 год

Кронпринц Кардинии спешил в покои короля. В небольшой гостиной перед самой опочивальней его встретил Максимилиан Данев. Взглянув на графа и оглядев родные стены, принц вспомнил годы своего детства. Именно сюда призывал король своего проказника-сына, чтобы заслуженно, а иногда и нет, наказать его. Никому, кроме графа Данева, не позволялось находиться в этой гостиной во время довольно бурных разговоров царствующего родителя со своим наследником, и, надо заметить, графу удавалось умерить пыл обоих. Данев всегда был самым близким другом короля, его главным советником и наперсником, а теперь занимал пост премьер-министра.

Граф обратился к принцу. Говорил он, как обычно, с твердостью и спокойным достоинством, в его речи проскальзывал едва уловимый румынский акцент.

— Весьма признателен вам, ваше величество, за то, что вы так быстро приехали. Я опасался, что вас придется разыскивать по всем цыганским таборам в округе.

В его словах прозвучал плохо скрываемый упрек. Макс в большей степени, чем сам король, не одобрял довольно разгульный образ жизни принца. Но на этот раз замечание графа не произвело на молодого человека никакого впечатления. Принц с волнением отметил,

что Данев, обращаясь к нему, сказал «ваше величество», а не «ваше высочество».

— Боже мой! — воскликнул принц, побледнев. — Отец жив?

— Да, разумеется, Господь с вами! — поспешил заверить Максимилиан, сам ужаснувшись этому предположению.

Граф проявил неосторожность — ведь принц не был готов к тому, чтобы выслушать эту важную новость. Штефан Барони, кронпринц, должен был знать все.

— Король Шандор, — продолжил граф, — официально, в присутствии великого визиря Турции, отрекся от престола.

Принц вспыхнул:

— Как посмели меня не пригласить на столь важную церемонию?

— Посчитали, что ваши протесты окажутся неуместными...

— Непременно так бы и сделал! Но что случилось, Макс? Доктора отца утверждали, что дела идут на поправку. Выходит, они мне солгали?

— Королю действительно стало лучше. Но несмотря на улучшение, ему уже не под силу управлять государством. Болезнь сердца — дело нешуточное, и в шестьдесят пять лет, увы, она неизлечима. Вам же известно заключение докторов: малейшее волнение может пагубно сказаться на хрупком здоровье короля.

Эти слова болью отозвались в сердце принца, но он мужественно скрыл свои страдания. Опустив глаза, он вспомнил, что Макс действительно говорил ему о тяжелых последствиях болезни короля, но он тогда отказался верить в непоправимое. Ни один ребенок не может смириться с мыслью о возможной смерти отца. И принц продолжал надеяться. Тем более что доктора вселяли в него эту надежду, хрупкую, зыбкую надежду, как он теперь понимал...

— Меня вызвали по высочайшему повелению для того, чтобы объявить королем? Короновать, хотя сам нынешний монарх еще жив? — с горечью спросил принц.

— Я понимаю ваши чувства. Но ничего нельзя поделать. Таково желание короля.

— Ведь ты можешь заменить его! Так было всегда, когда он покидал страну. Отец не должен оставлять престол при жизни!

Максимилиан печально улыбнулся:

— Вы действительно верите, что ваш отец сможет оставаться в стороне от дел, которыми буду в его присутствии заниматься я, его слуга? Чтобы прожить в покое, он должен перестать быть королем. Вот единственный выход, и он хорошо понимал это, отрекаясь от престола. Вас призвали во дворец короноваться. Вернее, это одна из причин.

— А что же еще?

— Вы узнаете обо всем от самого короля. Ступайте, его величество ждет вас. Но позволю себе предупредить: не вступайте с ним в ненужные споры. Что сделано, то сделано, ничего не изменишь. Он, находясь в здравом уме, сам пожелал отречься и теперь рад этому. Вы — его гордость и утешение, вам вверяет он страну. Выслушайте его смиренно, а если и возникнут у вас какие-либо возражения, лучше выскажите их потом мне. Я всегда готов помочь вам, ваше величество.

Макс, несмотря на высокий сан собеседника, говорил с ним назидательным тоном, очевидно, желая тем самым подчеркнуть, что в их отношениях ничего не меняется. Он будет с преданностью и любовью служить сыну своего повелителя, не страшась приступов королевского гнева и негодования. С этим он всегда справлялся, проявляя стойкость и трезвость суждений.

Вспомнив о том, каким король бывает в ярости, принц не без волнения приблизился к дверям опочивальни. Следует, очевидно, послушаться Макса и не

спорить с отцом. Теперь принц сам стал взрослым мужчиной и научился держать себя в руках с людьми любого положения и сана. Тем более не пристало ему ссориться с больным отцом.

Бывший король Кардинии возлежал на подушках в огромной кровати, возвышавшейся посреди просторной спальни. Величественное ложе, к которому вели несколько широких ступеней, было покрыто богато расшитым шелковым покрывалом. Бархатный балдахин приподнят с обеих сторон золочеными шнурами, а над изголовьем красовался сияющий королевский герб. В комнате царил полумрак, шторы на окнах приспущены, горело только несколько канделябров, свет от которых отражался на блестящем мраморном полу. Принц обвел взглядом до боли знакомую комнату: от пола до потолка все те же великолепные картины лучших европейских мастеров, те же изящные кресла и зеркала в резных рамах. По богатству убранства королевская спальня не уступала роскошным залам и гостиным всего дворца. Там взорам неискушенных посетителей представало столько золота, серебра, дорогих тканей, хрусталя и диковинных предметов, что они просто диву давались — откуда в таком сравнительно небольшом государстве, как Кардиния, такие несметные сокровища? А дело в том, что Кардиния стала одним из богатейших государств Восточной Европы благодаря своим многочисленным золотым приискам.

Король прервал затянувшееся молчание.

— Ну вот ты и здесь! И вид у тебя свирепый! — проворчал он. — Помнится мне, что ты напугал до смерти одну мою любовницу, когда взглянул на нее так, как сейчас.

— Да, но только после того, как она велела мне не попадаться ей на глаза, — парировал принц.

Шандору стало не по себе от реплики сына, но он на минуту забыл, что между ними давно существовало мол-

чаливое соглашение — не касаться подобных тем. Поэто-
му король поспешил заговорить о другом, более важном:

— Макс, наверное, тебя успел подготовить. Только
если он наболтал слишком много, я укорочу ему язык.

— Он только сказал мне, что теперь я король.

— Понятно.

Шандор оставил без внимания резкий тон ответа
принца. Старый король устало откинулся на подушки
и поманил сына рукой:

— Иди сюда, посиди со мной, как бывало.

Принц с готовностью поднялся по ступенькам
и устроился полулежа в ногах огромной кровати. Под-
перев голову рукой, он внимательно смотрел на отца, за-
мечая, как болезнь изменила его черты. Шандор почув-
ствовал, что сын не собирается спорить по поводу свер-
шившегося отречения от престола и отказываться от
короны. «Вот и хорошо!» — с облегчением подумал он.
Ему нелегко далось это решение, но он считал его един-
ственно верным и для себя, и для страны. Это решено,
теперь можно обсудить с принцем более тонкие и важ-
ные вопросы.

— Итак, ты будешь короноваться через неделю, пока
великий визирь еще здесь.

— Интересно, разосланы ли приглашения всем цар-
ствующим особам Европы?

Шандор пропустил эту колкость мимо ушей и про-
должил:

— В настоящий момент среди наших гостей находят-
ся восемь представителей европейских монархов, а так-
же три князя, эрцгерцогиня, несколько графов, наш
славный друг эмир Абдул Мустафа и даже английский
герцог. Все они станут свидетелями важной церемонии.
Ни один не усомнится, что ты мой наследник не только
по праву, но и по признанию народа всей страны — тебя
очень любят и почитают в королевстве. Есть только одно
«но» — у тебя нет королевы.

Принц вздрогнул: именно это он больше всего боялся услышать. Он исподлобья посмотрел на отца и с горечью сказал:

— После смерти моей матери ты же царствовал пятнадцать лет без королевы.

Только теперь Шандор понял, как расстроен и обескуражен его сын. Он мог бы яростно спорить, кричать, отстаивать свои права. Но он молча принимает решения отца и слабо пытается сопротивляться, хотя эти решения касаются его личной жизни и личного выбора. Оценив по достоинству сдержанность принца, Шандор ответил ему:

— У меня есть мой наследник. Так для чего же мне другая жена? Разве только из соображений политических, но и это не понадобилось. А кто есть у тебя?

— Тогда позволь мне самому выбрать себе королеву.

Принц произнес это тихо, почти шепотом, но твердо и решительно. Шандор однажды уже слышал подобные заявления сына. Это случилось по возвращении принца из путешествия по Европе. Он объявил, что желал бы жениться на одной замечательной женщине, которую повстречал во время поездки. Возражения он парировал этими же словами о свободе выбора своей королевы, но вел себя при этом весьма запальчиво и невыдержанно. Отказ короля признать его выбор вызвал бурный протест со стороны пылкого молодого человека. Сейчас Шандору не очень хотелось возобновлять старый спор. Он сказал:

— Вот мое последнее желание, если хочешь, даже предсмертная воля: ты должен подчиниться правилам чести и признать законной свою помолвку с Татьяной Яначек, объявленную в день ее рождения. Ее отец был тогда нашим королем, и по его повелению ты был назначен ее суженым и будущим правителем при ней. Яначек мог выбрать в мужа дочери любого из многочисленных королевских семей Европы, но он выбрал тебя, моего сына. Это великая честь, оказанная тебе...

— Но если бы у Яначека потом родился сын, «великая честь» потеряла бы всякий смысл! — возразил принц.

— Ты, вероятно, забыл, что в свое время Антал Габор поклялся уничтожить весь род Яначеков! — воскликнул король. — И ему удалось это. В течение нескольких месяцев они истребили всех, кроме бедной девочки, которую мне удалось спрятать и тайно вывезти из страны. В этой страшной истории меня удивляет одно: никто ни разу не обмолвился о том, что война этих двух семей в конечном счете помогла мне заполучить трон.

— Отец, их вражда была давней. Ты не участвовал в ней.

— Пусть так. Нет больше в живых никого из клана Габоров. Но есть Татьяна Яначек, и пора принцессе вернуться на родину, где ей больше никто не угрожает. Она должна воссесть на троне, принадлежащем ей по праву.

— Отец, она утратила это право. Народ не хотел, чтобы она стала королевой, когда других Яначеков не стало. Она была слишком мала и подвергалась смертельной опасности. Тебя провозгласили королем, а ее отвергли. Вернись она сейчас, ей не видать короны!

— Почему? Она получит ее вместе с тобой. Ты уже стал королем волею судеб и в состоянии править страной самостоятельно. Она же будет твоей женой, а поскольку в ее жилах течет королевская кровь, ваши дети станут настоящими наследниками.

— Но разве наша семья не королевской крови?

— В этом нет сомнения, но наша линия — побочная. Боже мой, ведь для того чтобы я вступил на престол, должны были умереть одиннадцать человек из рода Яначеков. Одиннадцать! Только тогда я смог стать королем! Иначе бы я никогда не получил короны, даже мечтать не мог. А теперь я, бывший король Кардинии, передаю ее тебе, мой мальчик. Ну а дальше что? На тебе, сын, пока заканчивается наш род. Точно так же и Татьяна — последняя из Яначеков. Наследников нет. Поэтому

му, несмотря на твое явное нежелание взять ее в жены, ты сделаешь так, как говорю я. Забудь о личном и выполни мою последнюю волю. Ты поедешь в Америку, найдешь там баронессу Драгомирову, которая воспитала Таню. Ты привезешь принцессу сюда и обвенчаешься с ней. И это будет пышная и роскошная свадьба, как и положено по церемониалу. Да поможет мне Бог дожить до этого славного дня.

Слушая отца, принц готовился возразить ему, попробовать отказаться от нежеланного брачного союза с принцессой Яначек. У него были на это свои причины, но не хватило духу открыть их сейчас старику.

Последние слова короля повергли молодого человека в отчаяние — как можно не подчиниться умирающему? Можно ли отнять у него надежду?

— Пусть будет так, как ты сказал, — смиренно пробормотал принц.

Покинув королевские покои, он тут же накинулся на Максимилиана Данева, который до этого неосторожно изъявил готовность выслушать все возражения принца, вернее, молодого короля.

— Да кто еще помнит эту девку королевских кровей? Никому нет никакого дела до того, жива она или нет! — Принц был вне себя от ярости.

Максимилиан ловко подхватил юношу под руку и увел подальше от комнат Шандора — не дай Бог услышит. По дороге он ответил спокойно:

— Ее помнят все, кто присутствовал на вашей давней помолвке. Вот это и обязывает вас поступить не только в соответствии с законом, но и по долгу чести.

— Замолчи, негодяй!

— Надеюсь, с отцом вы вели себя более сдержанно.

— Заткнись, Макс! Черт тебя подери!

Принц кричал громко и совершенно не задумывался о том, что слуги или стража могут услышать его. Подумаешь, большое дело — графу досталось от молодого короля!

Хотя многим из челяди было весьма непривычно наблюдать именно графа в роли мальчика для битья. К вспыльчивому нраву принца здесь уже привыкли, а сейчас он явно срывал свой гнев на первом подвернувшемся под руку человеку. И не важно, что это убеленный сединами дворянин. Максимилиан Данев сам хорошо понимал ситуацию. Он не терял самообладания ни при каких обстоятельствах. Поэтому спокойно отвечал принцу:

— Что-то я не припоминаю, чтобы вы раньше были так решительно настроены против той помолвки. С вашей стороны не было ни малейшего намека...

При этом граф едва поспевал за молодым человеком, который шел аршинными шагами по коридору.

— Какое это теперь имеет значение? — бросил принц через плечо. — Это ведь не каприз отца и даже не приказ. Это его последняя воля. Ты понимаешь, что это значит?

— Конечно. Вы бы оставили без внимания приказ. А теперь вам придется во что бы то ни стало исполнить последнюю волю отца.

Вдруг принц резко остановился и повернулся к Максиму. Взгляд его стал свирепым.

— Так ты знал, что он собирается прибегнуть к подобной уловке? — спросил он.

И, не дождавшись ответа, снова размашисто зашагал вперед. Максимилиан бросился за ним вслед, оправдываясь на ходу:

— Я ничего об этом не знал! Шандор не советовался со мной, и я понимаю, почему он так решил — он не имеет больше над вами власти и не знает, как еще заставить вас поступать согласно его желаниям.

— Ох, Макс, уйди с глаз долой! Что ты мне такое говоришь? А я еще всегда считал тебя своим вторым отцом.

Тут Максимилиан вдруг замер на месте. Не из-за того, что его удивили или задели за живое угрозы Штефана, причина была в другом — новоиспеченный король, казалось, заблудился в собственном дворце. Он про-

пустил поворот в восточное крыло, где находились его покои, и решительно направился неведомо куда. Прошло несколько минут, пока принц сам обнаружил свою ошибку. Граф тем временем поджидал и обдумывал, как бы получше представить принцу все это сложное и деликатное дело с принцессой. Надо прежде всего попробовать убедить его сменить гнев на милость, разжалобить несчастной судьбой девицы или, наоборот, дать понять, что она как нельзя более подходит ему для женитьбы. И Макс обратился к подошедшему принцу:

— Может, вас беспокоит то, что принцесса, выросшая далеко за пределами Кардинии, будет иметь взгляды и убеждения, чуждые нашей стране? Но, смею вас уверить, такое невозможно, так как воспитание и образование девушки было поручено самой образованной и преданной женщине — баронессе Драгомировой, которая была ближайшей подругой королевы, матери Тани. Принцессу учили любить свою родину, свой народ, ее специально готовили к будущему восхождению на престол в качестве достойной супруги своего нареченного. Она знает многие науки и искусства. Кроме того, средства были даны немалые, чтобы девушка не знала ни в чем нужды. Принцесса росла в подобающей ей роскоши...

— Чем ее явно избаловали и испортили!

— Не стану спорить, — усмехнулся Макс, — но это исправимо. Некоторые нежелательные черты характера восполнятся ее потрясающей внешностью, о которой можно легко догадаться. Вы скорее всего не помните ее родителей, но можете мне поверить, это была замечательная пара. Королева всегда считалась первой красавицей, и не только в нашей стране, но и во всей Европе. Младшая дочь австрийского короля, она прославилась тем, что отказала виднейшим царственным особам и остановила свой выбор на Льве Яначеке. Вы видели, каков он был в молодости? Да, у такой пары и дочь должна быть непревзойденной красоты!

Но вопреки надеждам Макса его пламенная речь не произвела на принца должного впечатления. Наоборот, казалось, он еще больше разозлился именно из-за похвал, которыми граф осыпал принцессу.

— Да мне до этого нет никакого дела! — в сердцах воскликнул принц. — Я уже ненавижу эту красавицу, представляя, как она с отвращением отвернется от меня!

Макс сочувственно посмотрел на принца, и сердце его сжалось. Как же он не подумал о том, что разговор о внешности — самый больной вопрос для молодого человека!

Алисия принимала ванну. Услышав, как громко хлопнула дверь, она вздрогнула — пришел принц, и, судя по всему, он в сквернейшем расположении духа. Алисия взглянула на своих перепуганных служанок и не сдержала вздоха. Есть чего бояться, уж это ей хорошо известно. Она сделала знак, чтобы обе ушли, сама же приготовилась к встрече, не предвещавшей ничего хорошего. Она припомнила, как страшно испугалась, впервые увидев принца в припадке гнева. Его глаза, казалось, метали искры, черты лица исказились злобой. Наверное, за это при дворе его прозвали «дьяволом во плоти». В таком состоянии принц мог сделать все что угодно, даже убить, и ему это сошло бы с рук. Вообще все боялись именно непредсказуемости действий единственного наследника короля, которому прощались любые, даже самые жестокие выходки.

В тот первый раз, когда Алисия увидела принца в ярости, он поссорился со своим другом Лазарем Байором. Что именно разозлило вспыльчивого юношу, теперь трудно вспомнить: это случилось год назад, женщина только что стала его любовницей и совсем не знала нрава своего повелителя. Но тогда ее поразило: он смотрел на нее таким ужасным взглядом, что дрожь пробежала по телу от страха. Алисия не была ни в чем виновата и не могла взять в толк, почему он злится на нее.

Казалось, принц просто готов ее убить. Он схватил ее за руку и, притащив в спальню, буквально швырнул на кровать. Она даже не в силах была кричать и звать на помощь. Но оказалось, что ее любовник таким необычным образом проявлял свою страсть — припадки гнева превращались в плотские желания. Алисия при этом не испытывала никакого удовольствия от неистовых ласк и яростных любовных утех. Страх сковал ее тело, оставляя почти безучастной к происходящему, но она была слишком опытной женщиной, чтобы оскорбиться из-за подобного отношения. Правда, после всего Алисия позволила себе немного поплакать, но настоящей причиной ее слез было лишь чувство облегчения от того, что ее страх необоснован и она осталась жива. Однако принц не догадывался об истинной причине и решил, что в этом есть его вина и он причинил ей боль. Алисия не стала разубеждать Штефана. «Пусть почувствует себя виноватым», — подумала она и усмехнулась, зная, что свою вину царственный любовник будет стараться искупить по-царски: золотом и драгоценностями.

После этого Алисия не боялась приступов гнева принца. Когда он предстал перед ней с перекошенным от злобы лицом и, казалось, готов был задушить ее своими руками, она спокойно направлялась к нему, на ходу освобождаясь от одежды. Прижавшись крепко к нему обнаженным телом, она была уверена в том, что это подействует и он скоро станет смиренным, как дитя.

Так и в этот раз: Алисия вышла из ванны навстречу взбешенному принцу. Он схватил ее на руки и понес на кровать. Зная, что произойдет через секунду, Алисия усмехнулась про себя: пусть делает с ней все что хочет, зато потом ее ждет награда — замечательное сапфировое ожерелье, которое ей никак не удавалось у него раньше выпросить. Теперь она поплачет немножко и получит из рук виноватого принца желанный подарок.

Глава 2

Нэтчез, Миссисипи

— Таня, ленивая скотина! Где мой завтрак?

Девушка с подносом в руках, направлявшаяся через коридор к открытой двери в хозяйскую спальню, замерла на месте. Как она ненавидела подобные окрики! Ее хозяин, Уилберт Доббс, обладал особенно громким голосом и всегда орал всякие гадости на всю округу. Соседям были известны все ее бранные прозвища, и поначалу Таню это очень смущало. Теперь она вроде бы и привыкла, ведь никто никогда не заступился за нее и не одернул грубияна. Никто не сочувствовал ей, здесь было так принято обращаться со слугами. Но ей самой иногда становилось невыносимо слышать нескончаемую брань.

Правда, последнее время стало легче — болезнь приковала Доббса к постели, и он не мог колотить ее, как частенько случалось раньше. Вспомнив об этом, Таня даже злорадно ухмыльнулась, и в ее потухших было глазах загорелись веселые искорки. Ей только на руку, что Доббс свалился. Добрее он от этого, правда, не стал, наоборот, обозлился на весь белый свет от безысходности своего положения, только ему теперь Таню не достать. Пусть орет, сколько душе угодно. Она готова стерпеть все эти оскорбления — известно, что он больше не встанет. Таня не так давно сожгла палку, которой Доббс бил ее. Господи, двадцать лет она мучается; может, скоро наступит конец страданиям, и судьба вознаградит ее за долготерпение!

Успокоившись, Таня покрепче подхватила поднос и вошла к хозяину. С шумом поставила завтрак на прикроватный столик и смело глянула на сердитого Доббса.

— Ты куда это запропастилась, черт тебя подери? — крикнул он.